

УДК 343.9

DOI: 10.24420/KUI.2019.39.71.001

Я.И. Гилинский

**ПРЕСТУПНОСТЬ: ЧТО ЭТО? КТО ВИНОВАТ?
ЧТО ДЕЛАТЬ?**

**CRIME: WHAT IS IT? WHO IS GUILTY?
WHAT TO DO?**

Аннотация: в статье предлагается анализ современного понимания преступности, ее генезиса и социального контроля над преступностью – как трех важнейших проблем криминологии. Представлена авторская позиция, нередко расходящаяся с господствующими в науке взглядами.

Ключевые слова: преступность, генезис, социальный контроль

Для цитирования: Гилинский Я.И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 1. С. 6-13. DOI: 10.24420/KUI.2019.39.71.001

Abstract: the article offers an analysis of the modern understanding of crime, its genesis and social control over crime – as the three most important problems of criminology. The article presents author's position which often differs from the dominant scientific views.

Keywords: crime, genesis, social control

For citation: Gilinskiy YA.I. Crime: what is it? Who is guilty? What to do? // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V.10, N 1. P. 6-13. DOI: 10.24420/KUI.2019.39.71.001

Подвергай все сомнению.

Р. Декарт

Введение

Каждое высказанное мною суждение надо понимать не как утверждение, а как вопрос.

Нильс Бор

Предмет *криминологии* обширен: *преступность* как социальное явление, *преступление* как индивидуальный поведенческий акт, *генезис* преступности, *механизм* индивидуального преступного поведения, отдельные *виды* преступлений (насильственные, против собственности, должностные и др.), личность *преступника*, *жертва* преступления, социальная *реакция* на преступность, *история* криминологии и история преступности, *методология* криминологии и *методики* криминологических исследований [1].

И все же среди прочих вопросов (проблем, тем), изучаемых криминологией, фундаментальными являются три: что такое преступность? каков генезис (причины, факторы) преступности? что делать с преступностью (социальный контроль, наказание, профилактика)?

По всем трем вопросам имеется бесчисленная литература, включая работы автора этих строк. Казалось бы, все, что можно было сказать, сказано и тысячу раз обосновано (каждым автором по-своему). Вместе с тем в последние годы, как в отечественной, так и в мировой литературе, все чаще и все настойчивее говорится о *кризисе криминологии*, о необходимости новых прорывных идей [2]. С этим трудно не согласиться. Современный мир постмодерна (постклассический, постсовременный, постиндустриальный) с его бесчисленными новеллами заставляет на многое посмотреть по-иному [3]. При этом сохраняются и «обостряются» такие принципы науки (любой), как относительность знаний, полипарадигмальность в условиях *неопределенности* постмодерна [4].

Почему бы и мне не внести вклад в многоголосие коллег-криминологов? Отнюдь не претендуя на большую истину. Тем более что значительно фундаментальнее – из близких мне по содержанию – труды А.З. Рыбака (к сожалению, доступные пока, насколько мне известно, только в Интернете [5]). Итак.

Преступность

Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно.
Э. Дюркгейм

Последние десятилетия большинству криминологов стало ясно: *в реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным, содержательным свойствам, sui generis, per se.* Преступление и преступность – понятия *релятивные* (относительные), *конвенциональные* («договорные»: как «договарятся» законодатели), они суть социальные *конструкты*, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т.п. Но ведь *те же самые по содержанию* действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне (подвиг!), убийство по приговору (смертная казнь), убийство в состоянии необходимой обороны, завладение вещами другого по решению суда, обман государством своих граждан и т.п.

Осознание того, что многие привычные общественные явления ни что иное как *конструкции*, более или менее искусственные, «построенные» обществом, сложилось в социальных науках во второй половине XX столетия [6].

Между тем преступление не является чем-то естественным по своей природе, а суть социальный конструкт, и, по мнению Бенедикта Спинозы (1632-1677), «в естественном состоянии нет ничего, что было бы добром или злом по общему признанию... В естественном состоянии нельзя представить себе преступления; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно и где каждый должен повиноваться государству. Таким образом, преступление есть не что иное, как неповиновение, наказываемое вследствие этого только по праву государственному; наоборот, повиновение ставится гражданину в заслугу» [7].

Позднее П. Сорокин напишет: «Нет ни одного акта, который бы по самому своему содержанию был уголовным правонарушением; и акты убийства и спасения, правды и лжи, кражи и дарения, вражды и любви, половой разнuzданности и воздержания и т.д. – все эти акты могли быть и были и преступлением и не преступлением в различных кодексах в зависимости от того, кто их совершал, против кого они совершались, при каких условиях они происходили. Поэтому причислять те или

иные акты по самому их содержанию к уголовным правонарушениям... задача безнадежная...» [8].

И хотя применительно к нашему предмету такое осознание было присуще еще Древнему Риму (*ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* – преступления возникают из сенатских и народных решений), в современной криминологии признание преступности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, зато сегодня разделяется большинством зарубежных криминологов [9-14]. Это четко формулируют германские криминологи Х. Хесс и С. Шеерер [15]: преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность – социальный и языковой конструкт.

Об этом же пишет голландский криминолог Л. Хулсман: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности» [16].

Н. Кристи (Норвегия) останавливается на том, что преступность не имеет естественных природных границ. Она суть продукт культурных, социальных и ментальных процессов [17, р. 10-11]. А отсюда, казалось бы, парадоксальный вывод: «Преступность не существует» (*Crime does not exist*) [17, р. 1].

Подробно обосновывается понимание преступности и преступления как социальных конструктов, а также рассматривается процесс такого конструирования в Оксфордском справочнике (руководстве) по криминологии [18, 19].

Итак, «термин *преступление* есть ярлык (*label*), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт – это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. *Преступление* как таковое не существует в природе; это выдумка (*invention*) людей» [20].

Все так. Равно как идеи культуральной криминологии (J. Ferrel, D. Garland, K. Hayward, J. Young) [21, 22]. Преступность – порождение культуры, неременный элемент культуры, равно как средства и методы социального контроля над преступностью. Но не пойти ли нам дальше? Точнее, вернуться к Э. Дюркгейму: «Преступность – нормальное явление, потому что общество без преступности совершенно невозможно». А теперь снова вперед: «преступное» поведение «нормально», обычно, естественно. *То, что общество (государство, власть) считает «преступным», со-*

вершается постоянно, всеми в едином процессе нерасчлененной жизнедеятельности.

Давно я заметил: «С нашей точки зрения, вся жизнь человека есть не что иное, как онтологически нерасчлененная деятельность по удовлетворению своих потребностей. Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю "Marlboro", или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной... Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. И почему первые четыре способа социально допустимы, а два последних «девиантны», а то и преступны, наказуемы – есть результат социальной конструкции, договоренности законодателей *«здесь и сейчас»* (ибо бокал вина запрещен в мусульманских странах, марихуана разрешена в Нидерландах, Чехии, некоторых штатах США, курение табака было запрещено в Испании во времена Колумба под страхом смерти и т.д.). Иначе говоря, жизнедеятельность человека – пламя, огонь, некоторые языки которого признаются – обоснованно или не очень – опасными для других, а потому «тушатся» обществом (в случае морального осуждения) или государством (при нарушении правовых запретов)» [1, с. 33].

Пойдем еще дальше. Человек – представитель биологического рода *Homo sapiens*, который существует наряду с тысячами других биологических видов – животных, птиц, рыб. Правда, человек – наиболее хищное из всех живых существ [23]: «Человек является единственным видом, в котором борьба носит уничтожающий характер» (лауреат Нобелевской премии по биологии Н. Тинберген); «Человек отличается от животных именно тем, что он убийца» (Э. Фромм [24]). Известно, что львы нередко убивают львят, что самки богомола (а нередко и паука) убивают самцов, что иногда (не так часто, как люди) могут обезьяны в драке убить одна другую. А чем люди «хуже»? Если убийство представителей своего рода бывает в мире животных, то тем более оно распространено в мире людей. Известно, что звери нередко тащат куски еды друг у друга. А чем люди «хуже»? Стащить у другого (еду, деньги, одежду) – нормально! Ведь сама по себе «собственность – это кража» (П.-Ж. Прудон) [25]. В первобытном обществе не было понятия собственности. Убивать убивали, но не воровали – воровать было нечего, все было общее. Да, написанное выше – определенная гипербола, но всего лишь – гипербола, за которой скрывается *нормальность* всего, что делает человек – убивает, насилует, ворует, грабит, обманывает и т.п., и т.д. Нормальность не в смысле хорошо, правильно, а в смысле – естественно, распространено, имеет место быть.

Написал и испугался: сколько возмущенных опровержений посыплется на меня! А если подумать? Долго-долго подумать? Еще раз: сказанное выше не оправдание того, что в большинстве обществ людей называется «преступлением», а понимание неизбежности всевозможных поступков, деяний людей, в том числе – очень опасных для других. Да я и не одинок: «Понимание преступности как особого явления также вызывает сомнения. Она не противопоставлена обществу, а сопровождает его» [26, с. 65]. Поэтому «сложившееся отношение к преступности должно быть демистифицировано. Она должна изучаться и оцениваться как имеющая подобно другим явлениям статистическую характеристику *часть реального поведения* (выделено мною – Я.Г.)» [26, с. 63.].

В то же время действующее уголовное законодательство многих стран, включая Россию, – избыточно и *делает* каждого гражданина преступником. Вспомните, уважаемый читатель, не совершили ли Вы в течение своей жизни что-либо из этого прекрасного набора: побои (ст. 116 УК РФ); понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК); нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК); фальсификация итогов голосования (ст. 142¹ УК); нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК); нарушение права на свободу совести и вероисповедания (в т.ч. оскорбление религиозных чувств верующих – ст. 148 УК); неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних (ст. 156 УК); неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (неуплата алиментов – ст. 157 УК); кража (ст. 158 УК); уничтожение или повреждение имущества *по неосторожности* (ст. 168 УК); незаконное предпринимательство (ст. 171 УК); злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК); уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК); уклонение физических лиц от уплаты налогов, сборов (ст. 198 УК); неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212¹ УК); незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК); незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК); действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе (!), совершенные публично или с использованием СМИ,... сети «Интернет» (ст. 282 УК);

дача взятки (ст. 291 УК); мелкое взяточничество (ст. 291² УК); халатность (ст. 293 УК); оскорбление представителя власти (ст. 319 УК). А еще тьма «преступлений» в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ); преступлений, связанных с приобретением, хранением, пересылкой наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (!). Что касается автора – да, совершал...

И, может, прав был крупнейший представитель уголовно-правовой мысли Германии профессор Х.-Х. Йешек, поставивший вопрос об отмене уголовного законодательства, не совместимого с правами человека и гражданина? [27] (Воспользуюсь случаем почтить память профессора Йешека, блестящего ученого и прекрасного человека, с кем мне посчастливилось неоднократно беседовать во Фрайбурге, в Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht, где он был директором). «Во всяком случае, должны быть по возможности уменьшены негативные последствия существования и действия уголовного закона» [26, с. 66.].

Генезис преступности, или Кто виноват?

Как минимум с XVIII века (Ч. Беккариа, И. Бентам), а основательно с XIX века (Ч. Ломброзо, Г. Тард, А. Кетле и др.) криминологи пытаются найти «причину» преступности. Ее видят в биологии и генетике (биологическое или антропологическое направление), психологии (психологическое направление), социальных факторах (социологическое направление).

Очевидно, что единой причины многоликостью преступности нет и быть не может [1, с. 162-181]. Можно найти множество факторов – социальных, экономических, политических, демографических и даже космических (труды А.Л. Чижевского), которые в большей или меньшей степени коррелируют с объемом, динамикой, структурой отдельных видов преступлений. Я сам с интересом и одобрением отношусь к установленным корреляционным зависимостям тяжких насильственных преступлений от экономического неравенства (от К. Маркса и П. Сорокина до С. Олькова, Е. Ольковой, И. Скифского, Э. Юзихановой).

Но если преступления – «нормальные» деяния, если «преступления» совершает каждый из нас... Может, бессмысленно искать причины, факторы, обуславливающие именно преступность (преступления)? Не те ли же самые факторы определяют и наркотизм, самоубийства, проституцию [28], и научное, техническое, художественное творчество [29], и самые обычные поступки обычных (но столь разнообразных) людей?

Опять страшно боюсь – сколько гневных возражений посыплется на мою голову! Столетия-

ми криминологи искали причины преступности, сколько их находили, а их вроде и нет?!

Поясню. Конечно, на состояние, тренд, структуру преступности влияют многочисленные из выявленных криминологами факторов. Но *те же самые* факторы влияют и на другие нежелательные или желательные деяния, на любые поступки людей. Так, рост экономического неравенства может привести к росту насильственных и корыстных преступлений, к «уходу» в пьянство и наркопотребление, к уходу из жизни (суицид), к творческим поискам, просто к нищете одних и сверхбогатству других. Одни и те же социальные, экономические, политические, психологические и прочие факторы воздействуют на *любое* поведение людей. Поэтому являются ли «криминогенные» факторы криминогенными? Да. Но в равной степени алкогенными, наркогенными, суицидогенными, «порождающими» творческую активность и обыденную, повседневную жизнедеятельность...

Социальный контроль над преступностью, или Что делать?

Следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля.

Никлас Луман

Социальный контроль над преступностью (с целью ее максимального сокращения или «ликвидации») – одна из наиболее актуальных проблем современной уголовной политики государств, мировой и отечественной криминологии. Что не удивительно с учетом вышеизложенного. Можно ли вообще эффективно «сокращать» («ликвидировать») то, что есть объективная социальная реальность?

Закономерно поэтому, что одновременно с началом нового периода в истории человечества – современной эпохи постмодерна – приходит осознание «кризиса наказания» [30]. Наказание, в течение тысячелетий предназначенное выполнять функцию сдерживания, сокращения преступности, не эффективно, не выполняет возлагаемых на него задач! [21, 31, 32, 33].

Об этом достаточно убедительно говорят отечественные авторы. «Реализация уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы... Разумное снижение объема законного насилия может в большей степени обеспечить интересы страны... Наказание – это очевидный расход и неясная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным

и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения» [34]. И еще: «Вне всякого сомнения, наказание есть реакция на совершенное зло, но в этом смысле наказание – то же зло» [35].

«Кризис наказания» проявляется, в частности, в том, что (1) за всю историю человечества никакие, самые жестокие наказания (включая квалифицированную смертную казнь – четвертование, сожжение заживо, заливание раскаленного свинца в горло и т.п.) не «ликвидировали» преступность; (2) со времени окончания Второй мировой войны до конца 1990-х – начала 2000-х годов уровень преступности возрастал во всем мире, невзирая на все старания полиции и уголовной юстиции (а с конца 1990-х – начала 2000-х годов сокращается во всех странах независимо от деятельности правоохранительных органов); (3) уровень рецидива относительно постоянен для каждой страны (а в России увеличился за последние десять лет с 25% до 52%, что свидетельствует о полной неэффективности наказания). Кроме того, по мнению психологов, длительное нахождение в изоляции приводит к *необратимым* изменениям психики (разумеется, не в лучшую сторону).

Наказание в России, как и в других странах, не достигает ни одной из целей, перечисленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Понятие *социальной справедливости* крайне неопределенно. С чьей точки зрения справедливость – обвиняемого, потерпевшего, их родственников, суда, прокурора, адвоката, различных групп населения с различными представлениями о справедливости? *Исправление* кого бы то ни было невозможно путем наказания. Будь то наказание ребенка, подчиненного или лица, совершившего преступление. Как свидетельствует весь исторический опыт человечества, не эффективно ни *общее предупреждение* (люди совершали, совершают и будут совершать преступления), ни *специальное предупреждение* (о чем свидетельствует относительно постоянная или увеличивающаяся доля рецидивной преступности).

Вместе с тем человечество и каждая страна в отдельности не готовы сегодня отказаться от уголовного преследования и наказания. Следовательно, возникает проблема совершенствования системы наказаний и минимизирования их вредных последствий.

Несколько слов о *смертной казни*. Смертная казнь есть *убийство*, преступление, недопустимое со стороны государства. Об этом еще в XVIII веке писал Ч. Беккариа: «Смертная казнь не может быть полезна... Мне кажется нелепым, что законы... которые запрещают и карают убийство, сами совершают его и для отвращения граждан от убийства сами предписывают совершение его» [36].

Смертную казнь Б. Шоу назвал «худшим видом убийства». А российский профессор М.Н. Гернет (лауреат Сталинской премии!) считал, что смертная казнь есть «институт легального убийства» [37]. Смертная казнь должна быть навсегда исключена из перечня наказаний [1, с. 424-432]. По этому пути идет все больше и больше государств. К 2018 г. смертная казнь отменена законодательно в 106 странах и еще в 36 не применяется фактически (всего 142 страны). Сохраняется смертная казнь в 58 государствах.

При отмене смертной казни *лишение свободы* становится «высшей мерой наказания». И применение лишения свободы должно быть сведено к минимуму (если уж мир не готов от него отказаться). «Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто «не видит», чем ее заменить. Она – отвратительное решение, без которого, очевидно, невозможно обойтись» [31, с. 339]. Как свидетельствует опыт многих европейских стран, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Японии, понимание «кризиса наказания» и неэффективности лишения свободы приводит к следующим последствиям.

Лишение свободы может применяться, как правило, лишь за насильственные преступления и только в отношении совершеннолетних [О страшных последствиях нахождения несовершеннолетних в «воспитательных колониях» см. 38, 39, 40].

Сроки лишения свободы в основном не должны превышать двух-трех лет. Так, в большинстве стран Северной и Западной Европы срок лишения свободы исчисляется неделями и месяцами (а отнюдь не десятилетиями!). Например, в 2016 г., по сведениям, представленным на Европейской конференции криминологов (г. Мюнстер, 2017), средний срок лишения свободы в европейских странах не превышал 1 года 8 месяцев. В Японии к лишению свободы приговариваются всего 3-5% всех осужденных (85% осуждаются к штрафу), а срок лишения свободы в основном не превышает двух лет [41, 42]. Реальное сокращение сроков лишения свободы тем более необходимо в современном обществе постмодерна, которое, наряду с другими особенностями, характеризуется *ускорением времени* [3, с. 26-28]. Если 10-20 лет тому назад осужденный, освобождаясь из мест заключения, возвращался в привычный мир, то сегодня, отбыв «всего» пять-шесть лет, он оказывается в совершенно незнакомой ситуации: его бывшее рабочее место заняли роботы, повзрослевшие дети уехали – один в Китай, другой в США, по городу мчатся беспилотники, а над домом – дроны, вместо денег и паспорта какие-то карточки... Как выживать в совершенно непривычном мире?

И, пожалуй, самое главное: условия отбывания наказания в виде лишения свободы должны носить не репрессивный характер, а быть направлены на ресоциализацию, реадaptацию осужденных, обучение их новым профессиям или повышение профессионального уровня. Заключение должны жить в нормальных, человеческих, привычных условиях, обеспечиваться качественным питанием, современной медицинской помощью, возможностью пользоваться современными техническими средствами (телефон, компьютер). И это не просто благие пожелания, а реальность, осуществляемая, например, в странах Северной и Западной Европы [1, с. 421; 43].

Не надо забывать, что само по себе *лишение свободы* есть тяжкое наказание, которое недопустимо ужесточать условиями отбывания [44, 45].

Человечество не готово сегодня ни отказаться от уголовного закона, ни отказаться от наказаний, в частности, таких неэффективных и «вредных», как лишение свободы. Следовательно, задача стоит в *сокращении вреда от наказания*. «Важным показателем опасности государства является сте-

пень пенитенциарного контроля над гражданами: часто ли государство применяет уголовные наказания» [35, с. 196].

Заключение

Конечно, все вышеизложенное не означает отказ от дальнейшего изучения преступности, ее генезиса, социального контроля над ней. Скорее, наоборот. Все те сомнения в широко распространенных взглядах на эти социальные феномены, которые высказаны выше, заставляют еще глубже, основательнее, критичнее углубиться в их изучение. Да, пока существует человечество, его представители будут совершать деяния, признаваемые соотечественниками вредными и недопустимыми («преступления»). Да, люди будут искать методы и способы минимизации крайне нежелательных деяний и развития различных видов творчества.

Дальнейшее развитие криминологии (впрочем, как и большинства наук) – задача прежде всего молодых исследователей, не отягощенных грузом профессиональных знаний. Успехов!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авторская точка зрения в: Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. 4-е издание. СПб: Алеф-Пресс, 2018. С. 9-10.
2. См., например: Жалинский А.Э. Избранные труды. Том 1. Криминология. М.: ВШЭ, 2014. С. 44-78.
3. См., например: Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна: монография. СПб.: Алетейя, 2017.
4. См., например: Честнов И.Л. Постклассическое правопонимание // *Общественные науки и современность*. 2010. № 5. С. 157-162.
5. Рыбак А.З. Криминология в человеческом измерении: Новая методология. Постановка проблемы. URL: <http://crimpravo.ru/blog/3784.html> (дата обращения: 30.12.2018) и др.
6. Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality*. NY: Doubleday, 1966.
7. Спиноза Б. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 554.
8. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.62.
9. Barkan S. *Criminology: A Sociological Understanding*. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River. 1997.
10. Caffrey S., Mundy C. (Eds.) *The Sociology of Crime and Deviance*. Greenwich University Press, 1995.
11. De Keseredy W., Schwartz M. *Contemporary Criminology*. Wadsworth Publishing Co., 1996. Pp. 45-51.
12. Gregoriou Ch. (Ed.) *Constructing Crime*. Palgrave Macmillan, 2012.
13. Hester S., Eglin P. *Sociology of Crime*. NY.- L.: Routledge, 1992. Pp. 27-46;
14. Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) *The Problem of Crime*. CA:SAGE, 1996, p.13.
15. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // *Kriminologische Journal*. 1997. Heft 2.
16. Hulsman L. *Critical Criminology and the Concept of Crime* // *Contemporary Crisis*. 1986. №10. Pp.63-80.
17. Christie N. *A Suitable Amount of Crime*. NY-L.: Routledge, 2004. Pp. 10-11.
18. Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) *The Oxford Handbook of Criminology*. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007. Pp. 179-337.
19. Young J. *The Vertigo of Late Modernity*. CA:SAGE Publications, 2007.
20. Robinson M. *Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior*. NJ: Pearson. Prentice Hall, 2004, P.2.
21. Garland D. *The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society*. Oxford University Press, 2003.
22. Garland D. *The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent "Law and Order" Policies* // *The British Journal of Criminology*. 2000. Vol. 40. N 3.
23. См. подробнее: Гилинский Я. Социальное насилие. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2017.
24. Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Республика, 1994. С. 23.
25. Прудон П.-Ж. *Что такое собственность?* СПб., 1907.
26. Жалинский А.Э. Избранные труды. Т.1. Криминология. С.65.

27. Jescheck H.-H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. Berlin: Duncker&Humblot, 1988. S.3.
28. Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2013.
29. Творчество как позитивная девиантность / под ред. Я. Гишинского и Н. Исаева. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.
30. Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory // Scandinavian Studies in Criminality. Oslo-London, 1974.
31. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
32. Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990.
33. Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996.
34. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е издание. М.: Проспект 2009. С. 15, 18, 56, 68.
35. Ромашов Р., Тонков Е. Тюрьма как «Град земной». СПб.: Алетейя, 2014. С. 13.
36. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 308.
37. См.: Смертная казнь: за и против / под ред. С.Г. Келиной. М.: Юрид. лит., 1989. С.133.
38. См.: Габышев Л. Одлян, или Воздух свободы. М., 1990.
39. Дети в тюрьме / ред. В. Абрамкин. М., 1993.
40. Маколи М. Дети в тюрьме. М.: ОГИ, 2008.
41. Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии. М.: Юридический центр Пресс, 2003.
42. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М.: Прогресс, 1989.
43. От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли. Финский опыт сокращения числа заключенных / сост. И.Г. Ясавеев. Хельсинки, 2012.
44. Жестеров П.В. Уголовная репрессия в постиндустриальном обществе. М.: Проспект, 2017.
45. Пчелкина Е.В. Принцип гуманизма и проблемы его реализации при исполнении наказания в виде лишения свободы. Астрахань, 2012.

REFERENCES

1. Avtorskaya tochka zreniya v: Gilinskij YA. Kriminologiya: teoriya, istoriya, ehmpiricheskaya baza, social'nyj kontrol'. Avtorskij kurs. 4-e izdanie. SPB: Alef-Press, 2018. S. 9-10.
2. Sm., naprimer: ZHalinskij A.EH. Izbrannye trudy. Tom 1. Kriminologiya. M.: VSHEH, 2014. S. 44-78.
3. Sm., naprimer: Gilinskij YA. Deviantnost' v obshchestve postmoderna: monografiya. SPb.: Aletejya, 2017.
4. Sm., naprimer: CHestnov I.L. Postklassicheskoe pravoponimanie // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 5. S. 157-162.
5. Rybak A.Z. Kriminologiya v chelovecheskom izmerenii: Novaya metodologiya. Postanovka problemy. URL: <http://crimpravo.ru/blog/3784.html> (data obrashcheniya: 30.12.2018) i dr.
6. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. NY: Doubleday, 1966.
7. Spinoza B. Izbrannye proizvedeniya. M.: Gospolitizdat, 1957. T. 1. S. 554.
8. Sorokin P. CHelovek. Civilizaciya. Obshchestvo. M., 1992. S.62.
9. Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River. 1997.
10. Caffrey S., Mundy C. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance. Greenwich University Press, 1995.
11. De Keseredy W., Schwartz M. Contemporary Criminology. Wadsworth Publishing Co., 1996. Pp. 45-51.
12. Gregoriou Ch. (Ed.) Constructing Crime. Palgrave Macmillan, 2012.
13. Hester S., Eglin P. Sociology of Crime. NY.- L.: Routledge, 1992. Pp. 27-46;
14. Muncie J., McLaughin E. (Eds.) The Problem of Crime. SA:SAGE, 1996, p.13.
15. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.
16. Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. №10. PP.63-80.
17. Christie N. A Suitable Amount of Crime. NY-L.: Routledge, 2004. PP. 10-11.
18. Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007. RP. 179-337.
19. Young J. The Vertigo of Late Modernity. SA:SAGE Publications, 2007.
20. Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ: Pearson. Prentice Hall, 2004, P.2.
21. Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford University Press, 2003.
22. Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent “Law and Order” Policies // The British Journal of Criminology. 2000. Vol. 40. N 3.
23. Sm. podrobnее: Gilinskij YA. Social'noe nasilie. 2-e izd. SPb.: Aletejya, 2017.
24. Fromm EH. Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti. M.: Respublika, 1994. S. 23.
25. Prudon P.-ZH. CHto takoe sobstvennost'? SPb., 1907.
26. ZHalinskij A.EH. Izbrannye trudy. T.1. Kriminologiya. S.65.

27. Jescheck H.-H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. Berlin: Duncker&Humblot, 1988. S.3.
28. Gilinskij YA. Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otk-lonenij». 3-e izd. SPb.: Alef-Press, 2013.
29. Tvorchestvo kak pozitivnaya deviantnost' / pod red. YA. Gilinskogo i N. Isaeva. SPb.: Alef-Press, 2015.
30. Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political Action Theory // Scandinavian Studies in Criminality. Oslo-London, 1974.
31. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tyur'my. M.: Ad Marginem, 1999.
32. Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990.
33. Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996.
34. ZHalinskij A.EH. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen. Teoretiko-instrumental'nyj analiz. 2-e izdanie. M.: Prospekt 2009. S. 15, 18, 56, 68.
35. Romashov R., Tonkov E. Tyur'ma kak «Grad zemnoj». SPb.: Aletejya, 2014. S. 13.
36. Bekkaria CH. O prestupleniyah i nakazaniyah. M., 1939. S. 308.
37. Sm.: Smertnaya kazn': za i protiv / pod red. S.G. Kelinoj. M.: YUrid. lit., 1989. S.133.
38. Cm.: Gabyshev L. Odlyan, ili Vozduh svobody. M., 1990.
39. Deti v tyur'me / red. V. Abramkin. M., 1993.
40. Makoli M. Deti v tyur'me. M.: OGI, 2008.
41. Morozov N.A. Prestupnost' i bor'ba s nej v YAponii. M.: YUridicheskij centr Press, 2003.
42. Uehda K. Prestupnost' i kriminologiya v sovremennoj YAponii. M.: Progress, 1989.
43. Ot «strany tyurem» k obshchestvu s ogranichennym prichineniem boli. Finskij opyt sokrashcheniya chisla zak-lyuchennyh / sost. I.G. YAsaveev. Hel'sinki, 2012.
44. ZHesterov P.V. Ugolovnaya repressiya v postindustrial'nom obshchestve. M.: Prospekt, 2017.
45. Pchelkina E.V. Princip gumanizma i problemy ego realizacii pri ispolnenii nakazaniya v vide lisheniya svobody. Astrahan', 2012.

Об авторе: Гишинский Яков Ильич, доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
e-mail: yakov.gilinsky@gmail.com
© Гишинский Я.И., 2019.

Статья получена: 01.02.2019. Статья принята к публикации: 20.03.2019.
Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the author: Gilinskiy Yakov I., Dr. of Sciences (Law), Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia
e-mail: yakov.gilinsky@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.